

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

**ПРИХОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

© 2016 г.

П.В. Шевкун

Витебский государственный медицинский университет, Белоруссия

p.shevkun@mail.ru

Поступила в редакцию 23.06.2016

Раскрыты направления приходской коммуникации в белорусско-литовских православных епархиях в конце XVIII – первой половине XIX в. В качестве одной из ключевых выделена проблема легитимности в условиях модернизации социальной системы империи. Показана роль приходского духовенства в рамках поиска решения данной проблемы. Отмечена специфика подходов правительства к вопросу коммуникации на уровне прихода в правление императоров Павла I, Александра I и Николая I. Сделан вывод об эффективности использования православного духовенства в целях информационного сопровождения социальной модернизации в рассматриваемое время.

Ключевые слова: коммуникация, приход, епархия, православное духовенство, социальная система, модернизация.

На протяжении столетий церковь имела ключевое значение в коммуникации, то есть в производстве и трансляции социально значимой информации. Её стержневыми элементами являлись: сакральность, традиционность, коллективность и цельность. Такие составляющие делали информацию самодостаточной и уникальной. В силу этого она имела личностный (священник), наглядный (храм) характер, что позволяло зафиксировать принадлежность, показать, что она не безлика и преподносится от имени Бога, а потребители могут лишь приобщиться к истинам. Формирование отличного собственного взгляда на социально значимые проблемы в таких условиях было практически невозможно. Благодаря этому удавалось существенно ограничить объём необходимой информации об обществе, в котором отношения основывались на религиозной санкции и легитимировались традицией. При этом традиция играла ключевую роль, поскольку всегда существовала определенная конкуренция между сакральными истинами. Перевес определялся давностью социальных институтов, их неизменностью, так как истины (в религиозном сознании) новыми не бывают, они вечны.

Цель работы: раскрыть основные направления приходской коммуникации в белорусско-литовских православных епархиях в конце XVIII – первой половине XIX в.

В конце XVIII в. социальные изменения в европейских странах становятся очевидными. Разрушались сословные барьеры, аристократия лишалась монополии на управление, развивалась частная собственность. Тенденции демо-

кратизации и индивидуализации, проявившиеся в западноевропейских странах, затронули и Российскую империю. Со времени правления Павла I набирала силу линия, в рамках которой сословия должны были быть «прозрачными» для государства. Это подразумевало выстраивание границ сословий, сбор социальной информации, активизацию процессов, ускоряющих их развитие. Возросло количество и скорость передачи информации, разноплановость её характера, усилилось сотрудничество администраций на разных уровнях. Так, пространство империи было сжато до максимальных пределов выносливости человека и лошади (в силу отсутствия иных универсальных транспортных средств) – 180 вёрст в сутки. При этом законодательство стало в 3.5 раза интенсивнее екатерининского, сходный темп поддерживался и Александром I [1, с. 8, 61]. По существу, под видом формирования более слаженной сословной системы в империи проходила модернизация, необходимым элементом которой и была ликвидация сословных институтов. Обратной стороной государственных инициатив являлась девальвация важнейшей характеристики корпораций – традиционности.

Одной из наиболее актуальных проблем империи этого времени была проблема легитимности проводимых мероприятий. Её важнейшим элементом является степень восприятия информации, готовность действовать в соответствии с ней. На административном уровне проблема регулировалась просто. Лица, в адрес которых принимались те или иные решения, предоставляли расписку о получении указов с их кратким

пересказом. Внимание же центральных властей заставляло действовать в соответствии с принятыми решениями.

Тем не менее о низкой легитимности многих решений говорит тот факт, что, как только ослабевал надзор центральных органов, реализация ряда указов фактически останавливалась. Так, 11 января 1798 г. было принято правительственное распоряжение о наделении сельских церквей землёй. Духовенство не должно было лично обрабатывать надел. Он передавался прихожанам с условием внесения в пользу церковного причта натуральных или денежных платежей. Вводимые правила были неизвестны ранее. Кроме того, не существовало и разработанной системы их реализации. Это привело к самодеятельности губернских и епархиальных властей. Однако, даже при условии внимания центральных властей, в Белорусской губернии к осени 1800 г. положения о содержании духовенства составили только в половине уездов [2, л. 79, 208 об., 216–218, 318–320, 434–439 об.]. Низкая легитимность указов проявлялась не только в фактическом саботаже, но и в такой форме, как подача жалоб. 3 апреля 1801 г. из-за их большого количества Александр I отменил постановление от 11 января 1798 г. [3, с. 605]. Обращение к прежней системе породило новый комплекс проблем по возврату церковных угодий. В результате вопрос о снабжении церковных причтов так и не был решён, несмотря на то, что указы об этом принимались в 1804, 1807, 1808, 1809, 1810 г.

В этом же направлении продолжил деятельность и Николай I. 20 июля 1842 г. было принято положение об обеспечении сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями от прихожан в западных губерниях. В этот раз предполагалась уже система реализации постановления. В губерниях создавались губернские комитеты в составе губернатора, местного архиерея, предводителя дворянства и управляющего губернской палатой государственных имуществ, для составления проектов по обеспечению причтов [4, с. 780–783]. Вслед за губернскими, открывались уездные комитеты. Предводители дворянства в помещичьих имениях и Палаты государственных имуществ в казённых были ответственными за реализацию принятых мер [5, л. 1, 1 об.].

Однако даже при условии системного подхода исполнение этого указа шло с трудом и сопровождалось жалобами и конфликтами, отказом в выполнении уже согласованных правил. О результатах реформ писал в 1855 г. епископ Полоцкий Василий (Лужинский): «...в течение свыше двенадцати лет, несмотря на неодно-

кратные Высочайшие подтверждения, – одна Монаршая милость назначения окладов сельским и градским причтам, несколько не зависящая от расположения духа здешних помещиков и от местных гражданских распоряжений, составляла, можно сказать, единственное средство существования для большей части духовных семейств. Все другие статьи обеспечения: постройка домов и служб, обработка земли или условная вместо таковой плата и проч., едва в последние два года по значительной части приходов приведены в действо» [6, с. 244, 246].

Низкая легитимность указов была не единственной проблемой. Действия государства, изменявшего привычный уклад, несли риски общего понижения легитимности социальных отношений, поскольку население получало государственный пример критичного отношения к традиции. Социальная история западных губерний знает такие примеры. Во время переходов из униатства в православие, инициированных Екатериной II, крестьяне, соглашаясь на конфессиональную конверсию, зачастую рассчитывали перейти из частновладельческих в разряд государственных либо уменьшить повинности. Во время январского восстания (1830 г.) по православным епархиям западных губерний было распространено предписание министра внутренних дел, в котором требовалось искоренять «самыми деятельнейшими мерами и малейшие признаки неповиновения крестьян своим помещикам» [7, л. 4]. В силу этого Комитет Западных губерний на протяжении ряда лет принимал меры, которые позволяли, с одной стороны, сохранить сословные привилегии дворянства в регионе, с другой – защитить помещичьих крестьян, поддержавших правительство во время восстания [8, с. 39]. Есть свидетельства и более радикального неприятия социальных отношений. Так, если с 1801 г. по 1825 г. в империи зафиксирован 651 случай крестьянских беспорядков, то с 1826 г. по 1855 г. уже 1247 [9, с. 66].

На территории западных губерний эти проблемы усугублялись специфическим положением православия. На протяжении XVII–XVIII вв. церковь лишилась прихожан в среде аристократии и была вытеснена на обочину социального развития. Возможности местных архиереев, даже при условии поддержки российской власти, были ограничены недостатком церковно- и священнослужителей, монахов, низкой материальной базой. В силу небольшой численности православных верующих распределение приходов по уездам было неравномерным, а прихожане зачастую находились на большом расстоянии от церквей. В результате территории епархий включали по несколько

губерний. Это усложняло административное взаимодействие и коммуникацию на приходском уровне. Лишь к концу рассматриваемого периода данные проблемы частично были решены путём объединения униатских епархий с православными в 1840 г.

Тем не менее белорусско-литовские православные епархии участвовали во всех начинаниях государственных и церковных властей. С точки зрения правительства решить проблему легитимности могло повышение образовательного уровня населения. Этот подход вполне соответствовал просветительским, рационалистическим идеям времени. Манифест Александра I об образовании Министерства духовных дел и народного просвещения начинался словами «желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения...» [10, с. 814]. На православное духовенство ложилась основная обязанность по просвещению. Во-первых, в силу того, что только церковь обладала технической возможностью для этого, имея систему, проникающую на все уровни общества. Во-вторых, духовенство, играя роль сакрального авторитета, а желательного и лидера общины, позволяло связать усиливающиеся информационные потоки с религиозными основами социальной системы, нейтрализовать негативный эффект от нарушения традиции.

Заинтересованность церкви также была понятна. Формирование конфессионального самосознания верующих являлось наиболее эффективным путём объединения церковной общины в условиях социальных перемен и было инструментом противодействия распространению в рамках православия еретических учений и сект. В силу этого основной упор был сделан на приходскую коммуникацию. Она шла по нескольким направлениям: повышение религиозного уровня прихожан и усиление контроля над религиозностью населения, рост значимости духовенства в нерелигиозных сферах. Активизация правительственной и церковной деятельности в этих вопросах начинается в правление Павла I.

Государство и церковь стремились упорядочить исполнение религиозных обрядов со стороны населения, укрепить веру. Обязанностью всех православных верующих было регулярное, не менее одного раза в год, совершение исповеди и причастия. С 1797 г. за их пропуск предусматривалось церковное покаяние [11, с. 521]. Важнейшей причиной создания манифеста «О трёхдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о не принуждении работать в дни воскресные» являлось убеждение в том, что у крестьян обязательно должно оставаться время на еженедельное посещение церкви [12,

с. 587]. В случае отсутствия такой возможности священников обязали самих приезжать в деревни [13, л. 3 об.].

В сфере катехизации населения Могилёвское губернское правление рекомендовало консистории распорядиться о привлечении христианских детей к обучению молитвам и заповедям. Могилёвский архиепископ Афанасий (Вольховский) требовал от церковных причтов «понуждения» крестьян в воскресные и праздничные дни присылать заранее своих детей в церковь для обучения основным молитвам и 10 заповедям. Правительство ожидало от духовенства, чтобы оно «учением и примером собственным утверждало бы духовных чад своих в спокойствии, послушании и добрых поступках» [14, л. 60 об., 12–13]. Особое место в рапортах архиереев о состоянии епархий отводилось сообщениям о чтении в церквях поучений. В 1797 г. архиепископ Иов распорядился, чтобы все священники в воскресные и праздничные дни читали проповеди, а прихожане знали «хотя первейшие молитвы» [15, с. 450]. В указе от 22 марта 1800 г. была подчёркнута обязанность причта не менее пяти раз в неделю совершать службу, читать ежедневные поучения, а также сочинять и говорить проповеди в воскресные и праздничные дни [16, с. 380, 381].

Александр I, сменивший Павла I на императорском троне, продолжил его политику в данном направлении. Указ Св. синода от 24 января 1803 г. обязал семинаристов и священников преподавать в уездных училищах и гимназиях [17, с. 502–503]. По настоянию правительства православное духовенство принимало значимое участие в работе отделений Библейского общества, которое быстро набирало силу после открытия своего представительства в России 11 января 1813 г. В 1814 г. в комитет общества вошли высшие представители православной иерархии. Общество ставило целью распространение Библии вначале на языках нерусских народов империи, а позднее и на русском языке. Знакомившийся с работой отделений организации в белорусских губерниях агент Британского общества Р. Пинкертон отмечал активное участие православного духовенства в распространении Библии [18, с. 11, 12, 20].

Указ 14 февраля 1818 г. предписывал духовенству доносить начальству о случаях, когда сельские жители в воскресные и праздничные дни используются на работах. Однако уже 16 сентября 1818 г. эту обязанность переложили на земскую полицию [19, с. 109–110]. 10 марта 1821 г. из Св. синода последовал указ, чтобы в воскресные или праздничные дни питейные дома открывались в городах по окончании позд-

ней литургии, а в сёлах – ранней [20, л. 1]. 25 января 1821 г. обобщили «правила преподавания в церквях учения». В свою очередь, епархиальных архиереев обязали «употребить... попечение об усилении церковного наставления православного народа в вере и благонравии христианском» [16, с. 380, 381].

На качественно иной, системный уровень вопрос просвещения, катехизации населения вышел в правление Николая I. В 1836 г. последовало решение по открытию при церквях школ для детей прихожан в западных губерниях¹ [22, л. 3, 7]. Активизировался этот процесс с 1839 г. 27 июня 1842 г. приняли постановление «Об устройстве сельских приходских училищ в казённых селениях» [23, с. 701–702]. Обучение было бесплатным. Так, в Минской епархии в 1841 г. было 33 школы, в 1842 открылось ещё 20. В основном количество учеников колебалось от 4 до 10 человек, хотя были школы, в которых обучалось и до 20 детей. Общее количество учеников в школах, открытых в епархии в 1842 г., составляло 117 мальчиков и 6 девочек. Учителем был, как правило, сам священник или грамотный член причта.

Малое количество учеников и отсутствие школ в ряде благочиний явилось следствием недостаточно продуманной процедуры их открытия. Школы планировали устраивать в отдельных помещениях, построенных за счёт помещиков или казны (это при том, что также надо было построить дома для причта и церкви и всё это на фоне регулярных неурожаев этих лет). В казённых имениях здания строили медленно, в помещичьих владельцы не только старались избежать расходов на строительство, но и не хотели, «чтобы крестьянские дети знали грамоту» [24, л. 29, 29 об., 50, 51, 111, 111 об.]. Как отмечал епископ Полоцкий Василий, «большая часть помещиков в грамотности крестьян видят почему-то большую для себя и для них невыгоду... то же должно сказать и о казённых крестьянах; почти все училища их поддерживаются слабо... а некоторые и вовсе закрыты». Поэтому священники (они, разумеется, также были не в восторге от дополнительных обязанностей) вынужденно обучали детей у себя. Такие школы вскоре и закрывались [6, с. 256, 257].

В феврале 1846 г. Св. синод сделал очередное распоряжение об их «умножении». Архиереев обязали ежегодно предоставлять об этом отчёты. Могилёвское епархиальное руководство просило о содействии губернских властей в «понуждении» помещиков к оказанию «пособия к учреждению при церквях поселянских училищ». В результате на уездных исправников была возложена обязанность объявить об этом

местным владельцам [22, л. 2 об., 3, 12]. Правительственные распоряжения возымели эффект. Если в Гродненской губернии в 1839 г. была открыта только одна школа, то в 1846 г. их уже насчитывалось 27. В 1850 г. в Литовской епархии действовало 37 школ, в которых находилось 1211 учеников и 56 учителей [25, с. 469, 511].

Проблемы возникали не только в таком сложном деле, как открытие школ, но и с собственно катехизацией населения. Минский архиепископ вынужден был в апреле 1844 г. сделать распоряжение духовенству, чтобы «они озаботились изучением приходских детей Господским молитвам, Символу веры и закону Божьему». Также дали указание регулярно совершать поучения в праздничные дни [26, л. 1, 1 об.]. С целью усиления контроля над проповеднической деятельностью цензурным комитетам 30 марта 1850 г. было предписано «усугубить внимание при рассмотрении проповедей, слов и речей». От гражданских властей духовенство ожидало помощи «в понуждении» помещиков способствовать доставлению крестьян в церковь в воскресные и праздничные дни. Так, минский гражданский губернатор сделал распоряжение Речицкому предводителю дворянства и земскому исправнику, чтобы они обязали помещиков уезда содействовать «священникам в доставлении в своё время крестьян в Храмы Господни для изучения нужных молитв и в исполнение долга христианского» [27, л. 1–2, 12–15 об.].

Повышение значимости духовенства в жизни сельской общины, рационализация отношений в рамках традиционных представлений о легитимности подразумевали коммуникацию и в ряде насущных вопросов жизни общины, таких как здравоохранение, сельское хозяйство. Любые нововведения в этих сферах воспринимались населением с подозрением, сопровождались различными слухами и домыслами, поскольку в рамках традиционного мировоззрения новое не от Бога. Факт того, что именно духовенство становится проводником некоторых нововведений, по замыслам правительства, должен был способствовать их успешности.

Одним из направлений семинарских программ явилось введение курсов по медицине. Для подготовки учителей по указу от 17 июля 1802 г. в медицинскую академию направили 50 студентов из духовных семинарий и академий. Также предписали распространить по приходским церквям «Наставление о лечении с описанием обыкновенных простонародных болезней и лекарств» [28, с. 194]. 15 марта 1804 г. в Минской семинарии был открыт медицинский класс [15, с. 437]. Одновременно в сто-

лице собрали сведения о больницах, находящихся в ведении духовенства. В Минской епархии на 1805 г. имелось 19 больниц, рассчитанных на 215 человек, из которых 6 действовали при церквях; при монастырях больниц не было [29, л. 2–56].

Значимой стороной социальной деятельности приходского духовенства было участие в противооспенных мероприятиях. На это были направлены указы 1804 г., 1811 г., 1815 г. [30, с. 542–543]. С 1811 г. всех учеников Минской семинарии учили прививать от оспы, а священников обязали читать не менее трёх раз в год «увещания» о необходимости прививания. По распоряжению Минской консистории благочинные доставляли в оспенные комитеты сведения о количестве привитых детей [31, л. 7].

Николай I более основательно подошёл к вопросу социальной деятельности духовенства. Была подвергнута регламентации процедура поступления и учебный процесс. Обер-прокурор видел одной из важнейших задач духовного образования, чтобы священники «умели снисходить к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство» [32, с. 62–64]. Начинание Александра I о введении курсов по медицине в семинарские программы уже давно не реализовывалось.

С 1843 г. Горы-Горецкая земледельческая школа стала основным местом подготовки учителей сельскохозяйственных наук в духовные учебные заведения империи. В этом же году в неё были направлены 58 семинаристов. Из белорусских епархий отправлялось по одному. В стенах школы велась подготовка пособия для преподавания сельского хозяйства в семинариях. Также в 1845 г. объявили конкурс для составления специального сельского лечебника, а в 1846 г. в семинариях были открыты классы медицины [33, л. 85, 98, 99].

Обер-прокурор Св. синода Н.А. Протасов реализовывал мысли Николая I, связанные как с идеей практической направленности образования, так и с желанием императора видеть в духовенстве социально активную категорию своих подданных, способных при этом выступать и гарантом стабильности российского общества. Не случайно в отчётах обер-прокурора всегда подчёркивались успехи по введению в духовных учебных заведениях новых курсов [34, с. 153; 236, л. 1].

Тем не менее результативность отмеченных выше мероприятий, даже выведенных на си-

стемный уровень, была низкой. Школы открывались с трудом, под явным давлением центральных властей. Детей в них училось мало. Средств коммуникации для установления надлежащего контроля над деятельностью духовенства не было. Образовательный уровень в нецерковных вопросах был недостаточным для того, чтобы рассчитывать на значимый эффект от деятельности духовенства в этих сферах. Проблема заключалась ещё и в том, что правительство явно переоценивало степень восприимчивости клира к нововведениям. Являясь ключевым звеном сохранения традиции, легитимации сложившихся отношений, священно- и церковнослужители по определению не могли эффективно выполнять те коммуникативные задачи, которые стремилось возложить на эту категорию правительство. К важнейшим из этих задач относились: легитимация официальных нововведений, интенсификация социальных отношений путём предоставления необходимой информации, организация системы народного просвещения на начальном уровне.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. на территории Российской империи шли процессы социальной трансформации в направлении перехода от традиционного общества к модерному. В области коммуникации они выразились в интенсификации информационного обмена, участия в нём различных социальных слоёв, в актуализации проблемы легитимности многих правительственных распоряжений. Православная церковь в империи превращалась в важнейший элемент коммуникации как в силу способности проникнуть на все уровни социума, так и в силу ключевой роли в придании информации высокого уровня легитимности. Правительство было обеспокоено тем, что белорусско-литовские православные епархии окажутся неспособными эффективно справиться с вызовами времени в силу господства католической аристократии и своих низких функциональных возможностей. Поэтому ряд мероприятий в сфере приходской коммуникации проходил с ориентацией прежде всего на данные епархии.

С целью эффективного использования коммуникативных возможностей церкви, повышения легитимности принимаемых постановлений предпринимались действия по поддержанию и росту религиозности прихожан (в его современном, личностном выражении), усилению контроля над религиозностью населения, актуализацией значимости духовенства в нерелигиозных сферах. В рамках этих направлений проводилось просвещение и катехизация населения, вводились семинарские курсы по естественным

наукам, медицине и сельскому хозяйству. На системный уровень такая деятельность выходит в правление Николая I, когда были в максимальной степени задействованы государственные и церковные ресурсы в пределах традиционной модели социальных отношений. Тем не менее духовенство, будучи их важнейшим средством легитимации, не могло эффективно исполнять роль «драйвера» коммуникации, в том числе и на уровне прихода.

Примечания

1. Ещё во время правления Екатерины II правительство инициировало открытие при православных церквях и монастырях начальных школ. В основном они открывались в губернских и уездных городах. Некоторые школы продолжали существовать и в начале XIX в. Однако, по оценке современников, уровень подготовки учителей и учеников в них был низким [21, с. 138].

Список литературы

1. Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1982. 368 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 3219. Оп. 1. Д. 753.
3. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIV. № 17909.
4. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XVII, ч. I. № 15873.
5. НИАБ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 506.
6. Лужинский В. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. Казань, 1885. 312 с.
7. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 8567.
8. Лепеш О.В. Комитет западных губерний: организация и деятельность (1831–1848 гг.) Мн., 2010. 156 с.
9. Сёмин И.А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства:

1825–1870-е гг.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

10. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXIV. № 27106.
11. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXVI. № 19743.
12. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXIV. № 17909.
13. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 6960.
14. НИАБ. Ф. 3020. Оп. 1. Д. 12.
15. Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832). СПб., 1893. 623 с.
16. Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. М., 1879. С. 380, 381.
17. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXVII. С. 502–504.
18. Сапунов А.П. Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века. Витебск, 1901. 28 с.
19. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXXV. № 27270.
20. НИАБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 15.
21. Швед В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.). Гродна, 2001. 416 с.
22. НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 323.
23. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XVII. № 15794.
24. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 16163.
25. Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время 1839–1889 гг. М., 1899. 522 с.
26. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 14547.
27. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 18429.
28. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXVIII. № 20334.
29. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1630.
30. ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. XXVIII. № 21475.
31. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 4825.
32. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. СПб., 1851. 151 с.
33. Савваитов Г.И. Обзор духовно-училищных обозрений по ведомству Православного исповедания с 1832 по 1845 г. // ОР РНБ. Ф. 550.
34. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897. 236 с.

PAROCHIAL COMMUNICATION IN WESTERN PROVINCES IN THE LATE 18th AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

P.V. Shevkun

The article examines the tendencies of parochial communication in the Belorussian-Lithuanian Orthodox dioceses in the late 18th and the first half of the 19th century. The problem of legitimacy during the period of social system modernization in the Russian Empire is identified as one of the key problems of communication. The role of the parish clergy in the search for solutions of this problem is shown. Some peculiarities of the government's approaches to the problem of communication at the level of the parish during the reign of the emperors Paul I, Alexander I and Nicholas I are noted. The author comes to the conclusion that the Orthodox clergy was used effectively for informational support of the social modernization during the period under study.

Keywords: communication, parish, diocese, Orthodox clergy, social system, modernization.

References

1. Ehjdel'man N.Ya. Gran' vekov. Politicheskaya bor'ba v Rossii. Konec XVIII – nachalo XIX stoletiya. M., 1982. 368 s.

2. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi (dalee – NIAB). F. 3219. Op. 1. D. 753.
3. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXIV. № 17909.
4. PSZRI. Sobr. 2-e. T. XVII, ch. I. № 15873.
5. NIAB. F. 1. Op. 13. D. 506.

6. Luzhinskij V. Zapiski Vasiliya Luzhinskogo arhiepiskopa Polockogo. Kazan', 1885. 312 s.
7. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 8567.
8. Lepesh O.V. Komitet zapadnyh gubernij: organizatsiya i deyatelnost' (1831–1848 gg.) Mn., 2010. 156 s.
9. Syomin I.A. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii pravoslavnogo prihodskogo duhovenstva: 1825–1870-e gg.: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006. 34 s.
10. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXXIV. № 27106.
11. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXVI. № 19743.
12. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXIV. № 17909.
13. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 6960.
14. NIAB. F. 3020. Op. 1. D. 12.
15. Runkevich S.G. Istoriya Minskoj arhiepiskopii (1793–1832). SPb., 1893. 623 s.
16. Rukovodstvennye dlya pravoslavnogo duhovenstva Ukazy Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda. 1721–1878 gg. M., 1879. S. 380, 381.
17. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXVII. S. 502–504.
18. Sapunov A.P. Polock, Vitebsk i Minsk v 20-h godah proshlogo veka. Vitebsk, 1901. 28 s.
19. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXXV. № 27270.
20. NIAB. F. 20. Op. 1. D. 15.
21. Shved V.V. Pamizh Pol'shchaj i Rasiyaj: gramadska-palitychnae zhyccyo na zemlyah Belarusi (1772–1863 gg.). Grodna, 2001. 416 s.
22. NIAB. F. 2001. Op. 1. D. 323.
23. PSZRI. Sobr. 2-e. T. XVII. № 15794.
24. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 16163.
25. Izvekov N.D. Istoricheskij ocherk sostoyaniya pravoslavnoj cerkvi v Litovskoj eparhii za vremya 1839–1889 gg. M., 1899. 522 s.
26. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 14547.
27. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 18429.
28. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXVIII. № 20334.
29. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 1630.
30. PSZRI. Sobr. 1-e. T. XXVIII. № 21475.
31. NIAB. F. 136. Op. 1. D. 4825.
32. Izvlechenie iz otchyota po vedomstvu duhovnyh del pravoslavnogo ispovedaniya za 1850 g. SPb., 1851. 151 s.
33. Savvaitov G.I. Obzor duhovno-uchilishchnyh obozrenij po vedomstvu Pravoslavnogo ispovedaniya s 1832 po 1845 g. // OR RNB. F. 550.
34. Preobrazhenskij I. Otechestvennaya cerkov' po statisticheskim dannym s 1840–41 po 1890–91 gg. SPb., 1897. 236 s.